

УДК 81.512.111

**ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ,
ОТНОСЯЩЕЙСЯ К ДОПОХОРОННОЙ ОБРЯДНОСТИ ЧУВАШЕЙ***

**ETHNO-LINGUISTIC ANALYSIS OF LEXICAL UNITS
CONCERNING PRE-FUNERAL RITES OF THE CHUVASH**

Л. А. Афанасьева

L. A. Afanasyeva

*Стерлитамакский филиал
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Стерлитамак*

Аннотация. Данная статья посвящена анализу лексики, относящейся к допохоронному периоду похоронно-поминальной обрядности чувашей, в этнолингвистическом аспекте. Рассматривается народная терминология одного из ритуально-обрядовых блоков, связанных с рытьем могилы. Изучение акционального и предметного кодов допохоронного периода позволяет выделить терминологию, формировавшуюся под влиянием православной культуры. Следует отметить, что в названиях обрядовых актов и реалий сохранилась и традиционная природная (языческая) культура.

Abstract. This article analyzes the lexical units concerning pre-funeral period of funeral and memorial rites of the Chuvash in ethno-linguistic aspect. The author considers the terminology of one of the ritual and ceremonial units associated with digging graves. Studying actional and object codes of pre-funeral period allows you to reveal the terminology which was formed under the influence of Orthodox culture. It should be noted that in the names of ritual acts and realiae there have been preserved traditional natural (pagan) culture.

Ключевые слова: *похоронно-поминальная обрядность, допохоронный период, рытье могилы, ритуальные действия, традиционные воззрения чувашей.*

Keywords: *funeral and memorial rites, pre-funeral period, digging graves, ritual actions, traditional view of the Chuvash.*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00383/15)

Актуальность исследуемой проблемы. Одним из источников, позволяющих реконструировать похоронно-поминальную обрядность чувашей и древнее представление наших предков о данной обрядности, является народная терминология. В связи с этим терминология похоронно-поминальной обрядности в этнолингвистическом аспекте представляет немалый интерес для гуманитарных наук и исследование такого рода лексики является весьма актуальным и значимым.

В современных условиях, когда традиционная духовная обрядность постепенно утрачивается, одной из наиболее важных задач, стоящих перед этнокультурологами и филологами, становится фиксация, систематизация, архивация и изучение всех доступных артефактов традиционной культуры чувашского народа, касающихся, в частности, похоронно-поминальной обрядности. В силу того, что в ней отображены история народа, его культура, обычаи и традиции, назрела необходимость рассмотрения развития похоронно-поминальной обрядности и анализа связанной с ней терминологии в границах истории этноса, определения истоков возникновения и причин семантических модификаций в терминологии похоронно-поминальной обрядности, а также выявления межъязыковых связей [1, 3]. Отметим, что при исследовании терминологии похоронно-поминальной обрядности как источника реконструкции древней традиционной культуры чувашского народа необходимо системное изучение лексики, так как при интерпретации слов раскрываются скрытые в них смыслы и значения. Слово вне контекста может иметь только поверхностный смысл (значение), а глубинный смысл его познается только в тексте [11]. Следует учитывать, что на сегодняшний день наблюдаются упрощение похоронно-поминальной обрядности, утеря его сакральной части. Вместе с тем в традиционный обряд вмешиваются новые обрядовые черты и появляются новые термины, которые связаны с современными условиями жизни нашего общества.

Материал и методика исследований. Материалом исследования послужили архивные, опубликованные источники и полевые записи автора во время научных экспедиций в Аургазинском, Бакалинском, Белебеевском, Бижбулякском, Гафурийском, Ермакеевском, Ишимбайском, Кармаскалинском, Куоргазинском, Стерлитамакском, Стерлибашевском, Уфимском, Федоровском, Шаранском районах Республики Башкортостан, а также материалы, полученные в ходе фольклорно-диалектологической практики студентов чувашского отделения Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета.

Предметным полем исследования является народная терминология похоронно-поминальной обрядности чувашей как культурный текст. Поэтому эта терминология изучается в рамках этнолингвистики. Следует отметить, что во второй половине XIX века Н. И. Золотницким (1875) [5] был заложен этнолингвистический, или этнолингвокультурологический, подход к чувашскому материалу по духовной и материальной культуре, который затем продолжен Н. И. Ашмаринным [2]. В последнее время этнолингвокультурологический подход к интегрированному изучению языка и культуры на широком фоне этнической истории чувашского народа прослеживается в работах Н. И. Егорова [3], [4], а также в труде этнолингвистического направления В. И. Сергеева, Ю. Н. Исаева, А. Л. Филиппова [10].

Результаты исследований и их обсуждение. С точки зрения семиотики обряд представляет собой специфический культурный текст, который состоит из акциональных, предметных, вербальных и прочих знаков. Такой текст обладает определенной семантикой и образует определенную структуру. Л. Г. Невская пишет, что «погребальный обряд при всей своей сложности и множественности деталей подчиняется строгой системе правил. Это обстоятельство позволяет проанализировать каждый эпизод обряда с учетом основных семиотических позиций, что, в свою очередь, помогает выявить существенные дополнительные элементы» [8, 245].

Одним из важных этапов похоронно-поминальной обрядности является допохоронный период, включающий несколько ритуально-обрядовых блоков. Внутри блоков каждый обрядовый акт представляет собой ситуацию взаимодействия элементов различных кодов: акционального, предметного, локативного, музыкально-вербального и др. В допохоронном периоде происходит подготовка умершего к захоронению, которая включает в себя такие обрядовые действия, как: 1) подготовка к смерти; 2) благословение; 3) исход души из тела; 4) омовение души; 5) хождение за водой; 6) изготовление гроба; 7) обмывание; 8) обряжение; 9) бдение; 10) рытье могилы. При таком раскладе обрядового текста акциональный код обозначен соответствующей терминологией. В данном исследовании нами рассматривается рытье могилы, которое насыщено всевозможными магическими акциями, приемами и реалиями. При этом важно обратить внимание на структуру обряда, который имеет парадигматику и синтагматику.

Рытье могилы сопровождается особыми ритуальными действиями, в которых сохранились следы язычества, но много общего и с христианством. У чувашей рытье могилы всегда считалось благочестивым делом, поэтому родные и близкие умершего, соседи и односельчане стараются участвовать в этом обряде. Могилу копают непременно в день похорон. Перед тем как идти на кладбище, могильщики поминают покойника хлебом, т. е. отламывают от хлеба небольшие кусочки со словами: «*Пусть будет пред тобою*» – и бросают эти кусочки на щепки от гроба [9, 14].

Полевой материал, собранный в разных регионах Башкортостана, указывает на то, что для жертвоприношения пеклись специальные лепешки, именуемые *хэймалу* «блины на сливках»: *Шятък чавма кайма виçе хэймалу пёсереçе. Иккёшне илсе каяçе, пёрне киле хавараçе (унна килте хываçе)*. – «Для рытья могилы пекут три хэймалу. Две из них берут на кладбище, одну оставляют дома (ею поминают дома)» (Иш.: Вас.). По сведениям информаторов, вместо *хэймалу* могут использоваться кусок хлеба, горбушка или блины (Аург., Бижб.). Могильщики с собою берут также монеты (деньги) для выкупа участка земли на том свете для умершего: *Виле валли шятък чавнй чух çапла каласа ыйтаçе: «Çёр пуçлăхё, масар хуçисем, çёр парёр, укçана сутăн илетпёр»*. – «Во время рытья могилы для умершего выпрашивают таким образом: «Хозяин земли, хозяева кладбища, дайте землю, (мы) выкупаем (ее) за деньги» (Бижб.: К.-Елг.). По данным венгерского исследователя Д. Месароша, на кладбище брали и кусок сыра (*чакят*); на месте будущей могилы бросали кусок хлеба и сыра и таким образом просили места в земле у «главы кладбища» [6, 175], т. е. место будущей могилы выкупалось. Выкуп участка земли выражен в следующих выражениях: *çёр сутăн илни* «выкуп земли» (Фед.: Нов.), *вырăн илни* «выкуп места» (Аург.: Шл.). Полное описание рытья могилы мы можем найти не только в работах Д. Месароша [6], К. П. Прокопьева [9], архивных источниках, но и в сведениях пожилых людей – приуральских чувашей: *Шятък чавма каякансем çакър сямси, тимёр укça илсе каяçе*. – «Могильщики берут с собою горбушку хлеба, железные монеты» (Бижб.: К.-Елг.).

Доминирующим акциональным компонентом в обряде рытья могилы является термин *çёр пуçлани* «починание земли». Могилу копают на месте, выбранном заранее родственниками или самим покойным при жизни. По чувашскому обычаю копать могилу начинает тот, кому завещал «починать землю» сам покойный. Часто предпочтение отдавалось любимому внуку или сыну. После этого ритуала «починателю земли» запрещалось далее копать могилу.

«Починание земли» происходит следующим образом: топором или лопатой снимается четырехугольный (или треугольный) слой дерна, который называется *саван тăпри*

(«земля благоденствия»), или *çёр пуçланă тăпра* («зачинная земля»). Следует отметить, что во время рытья могилы *çёр пуçланă тăпра* («зачинная земля») кладется отдельно, черный грунт и красная глина – отдельно, при этом землю стараются откидывать в левую сторону [7, 24], запрещалось кидать ее в сторону деревни, чтобы не было еще одного покойника.

Сăван тăпри «земля благоденствия», или «сакральная земля», связана с древними воззрениями чувашей о конце света. По эсхатологическим представлениям чувашей, во времена светопреставления (*ахър самана* (букв. «последние времена»)) должен сгореть весь чернозем, поэтому умершего старались хоронить в материковый красноземный грунт [13, 132]. Таким образом, *сăван тăпри* «земля благоденствия», которая возлагалась под головную часть покойника, должна вынести усопших в «светлый мир», и их души будут представлены перед судом божьим. Благодаря этой земле, души усопших якобы получали отпущение грехов (*сăван*). Представления о конце света навеяны мусульманской традицией [13, 132].

Пуç тăпри (букв. «головная земля») – позднее видоизменение термина *сăван тăпри* «земля благоденствия», формировавшееся в результате смены места установления этой земли в изголовье умершего (сначала – на дне могилы, а позднее – поверх могильного холмика) как наиболее значимой, «головной» части тела, которая якобы и должна была держать ответ за земные дела человека. *Покойника антариччен пуç тăприпе хёрес хывнă*. – «Перед тем как опустить покойника в могилу, головной землей накладывали крест» (Ерм.: Н.-Елг.).

В некоторых районах Республики Башкортостан «зачинная земля» вырезалась в форме равноконического креста, отчего она стала называться *хёрес тăпри* «крестная земля». Крещеные чувашеи эту землю стали укладывать на могильном холме перед деревянным крестом. Это способствовало изменению представлений чувашей о сакральной земле и привело их к христианизации. В ряде мест после опускания гроба в могилу на дно могильной ямы стали бросать по три горсти «сакральной земли», взятой именно с «зачинной земли».

У православных чувашей освященная в церкви земля называется *сăван тăпри / хёрес тăпри*. По церковной традиции и канонам эта земля посыпается крестообразно на гроб до его закрытия: *Кистене хупăлчипе хупиччен хёрес тăприпе виле çине хёрес туса сапашçе. Ана пуçламăш тăпри теççе*. – «Прежде чем заколачивать крышку гроба, на покойника крестообразно сыплют землю. Ее называют “зачинной землей”» (Карм.: Ефр.).

Начинают копать могилу с запада на восток, с головной части, ибо взгляд усопшего должен зреть на восход солнца. Могильная яма в головной части роется шире, чем в ногах. Если она окажется мала для гроба, то до погребения могильщикам приходится ее расширять. Однако в таком случае, по поверьям чувашей, вслед за погребаемым, возможно, отправится новый покойник.

Могилу для покойника копают глубиной чуть больше его роста. Следует отметить, что могильная яма для женщины роется на одну пядь глубже, чем для мужчины (Аург.: Биш.). И копают ее непременно до красной глины. Покойника, по представлениям чувашей, нельзя класть в черную землю, иначе при кончине мира *Хура тăпра çиекен* («Поедающий черную землю») вместе с землей может съесть и тело покойника [9, 15]. Аналогичные воззрения наблюдаются и у башкирского народа: «По религиозным верованиям башкир, красная глина (кызыл балсык) – могучей силы земля, которая не горит в судный день, сопутствует при выходе на свет душам погребенных. В век ахрызаман землю будет грызть страшный дракон. Его зубы не достанут красной глины» [12, 169].

По традиционным воззрениям чувашей, разрытая могила не должна была оставаться открытой. Она считалась уязвимой, поэтому ее охраняли *масар хуҗисем* (букв. «хозяева кладбища»), остающиеся после завершения рытья могилы на кладбище для охраны могиль-

ной ямы от злых козней демонов. Обычно на кладбище оставалось нечетное число (чаще всего трое или пятеро) могильщиков. В Куюргазинском районе Республики Башкортостан под данным значением отмечена лексическая единица *шйтӑк хуралҫи* (букв. «могильный сторож»): *Ёҫ пӗтсен арҫынсем килеҫҫӗ яла, шйтӑк хуралҫи юлать масар ҫинче.* – «По завершении дел мужчины идут домой, на кладбище остается охранник (сторож) могилы» (Куюрг.: Крив.); в Аургазинском районе – *масар хуҫи* (букв. «хозяин кладбища»): *Масар ҫинче чавнӑ шйтӑка пӑрахса хӑвармаҫҫӗ. Шйтӑка хураллама виҫӗ арҫын юлать. Ҫав вӑхӑтра ҫав арҫынсем масар хуҫисем пулса тӑраҫҫӗ. Вӗсем вилене масар хапхинчен сӑхсӑхса кӗтсе илеҫҫӗ.* – «На кладбище вырытую могилу не оставляют без присмотра. Сторожить остаются трое мужчин. В тот момент мужчины, копавшие могилу, как бы считаются хозяевами кладбища. Они перед кладбищенскими воротами встречают усопшего, при этом крестятся» (Аург.: Шл.).

Если в день рытья могилы покойника не получается хоронить, то, во избежание появления в могиле злых духов, на вырытую могильную яму кладут вдоль и поперек лом, лопату и прочие железные предметы, ибо железо способно отпугивать нечистую силу: *Ҫав кунӗнче пытараймасан шйтӑк ҫине урлӑ-пирлӗ кӗреҫесем, патаксем хурса витсе хӑвараҫҫӗ.* – «Если не получается хоронить в этот день, то на могилу кладут крест-накрест лопаты, палки» (Зил.: Берд.); *Шйтӑкне тушӑ хӑвармалла мар, усал ҫулӑхмасса кӗреҫе те пулин хӑвармалла.* – «Могилу нельзя оставлять открытой, во избежание проникновения злых сил надо оставить хотя бы лопату» (Белеб.: Слак.). Такие воззрения отмечены в Аургазинском, Кармаскалинском районах Башкортостана. У башкирского народа «существовало верование, что разрытая могила – это открытые уста земли, которые “должны быть заполнены светом”, во избежание проникновения туда злых сил могилу закрывали полотном и охраняли» [12, 169]. В Куюргазинском районе, если в намеченный день покойника не получалось хоронить, на другой день докапывали готовую могилу на глубину в один штык лопаты (Куюрг.: Крив.).

Немаловажное значение имеет угощение могильщиков на кладбище. Когда могильная яма вырыта наполовину, женщины идут кормить могильщиков (*ҫитерме килеҫҫӗ*). Они берут с собою суп, блины и водку. Такой обычай среди чувашей на территории Башкортостана отмечен повсеместно.

В похоронно-поминальной обрядности чувашей четко прослеживается представление наших предков о потусторонней жизни. Для них была характерна вера в загробную жизнь, подобную земной: умершие занимались теми же делами, имели те же наклонности и привычки, что и при жизни, могли веселиться и пировать, жениться и выходить замуж. И это подтверждается еще тем, что в далеком прошлом в гроб умершему клали всякий домашний скарб: мужчине – кочедык, ножик, лыко, трубку с табаком; женщине – иголку с ниткой, веретено, лен, холст и прочее. В данном исследовании мы рассматриваем веник, который используется во время рытья могильной ямы и после. По поверьям чувашей, могила является пространством, которое считается вечной обителью и домом умершего. После того как заканчивают копать могилу, дно могильной ямы подметают веником, который затем кладут в могилу в угол у подножия (Аург.: Наум.). Местонахождение веника в могиле соответствует месту у порога (*шйтӑр шйтӑкӗ*) в чувашской избе (в прошлом в избе дверь прорубалась с восточной стороны).

Могильщики за свою работу получали кусок холста (или полотенца), на котором несли гроб. После похорон происходит очищение могильщиков и прочих участников погребальной церемонии, заключающееся в умывании рук у ворот умершего и мытье в бане, которое непременно должно соблюдаться могильщиками. За поминальный стол могильщиков сажают первыми.

Резюме. Таким образом, в реконструкции глубинных смыслов похоронно-поминальной обрядности большая роль принадлежит лингвистическим фактам. Содержание терминов похоронно-поминальной обрядности раскрывается в текстах. Исследование показало, что допохоронная обрядность, в частности рытье могилы, в парадигматическом отношении характеризуется акционально-вербально-предметно-локально-темпоральным ритуально-обрядовым текстом. В синтагматическом отношении данный ритуал как акциональный блок похоронно-поминальной обрядности состоит из следующих моментов: 1) молитвенное обращение к обладателям Земли; 2) жертвоприношение; 3) починание земли; 4) выкуп земли; 5) рытье могилы; 6) угощение; 7) охрана могилы; 8) очищение; 9) одаривание. Изучение терминологии похоронно-поминальной обрядности чувашей в этнолингвистическом освещении позволяет выделить исконный пласт, который основан на традиционных (языческих) представлениях, и наслоения русской православно-христианской культуры на культуру чувашей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасьева Л. А.* Терминология похоронно-поминальной обрядности чувашей и других народов Урало-Поволжья (опыт сравнительно-сопоставительного и этнолингвокультурологического исследования) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – Чебоксары, 2009. – 27 с.
2. *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка : в 17 т. – Казань ; Чебоксары, 1928–1950.
3. *Егоров Н. И.* Древнейшие индоевропейские (индоиранские и восточноиранские) лексические заимствования в праторкском языке и проблемы ранних этапов этнолингвогенеза огуров (протобулгар) // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. – 2001. – № 1(31). – С. 185–204.
4. *Егоров Н. И.* Динамика формирования национальных концепций идентичности у татар и чувашей: от конфессионального к этнонациональному // Итоговые научные сессии 2011–2014 годов / ЧГИГН ; сост., отв. ред. Г. А. Николаев. – Чебоксары, 2014. – С. 164–202.
5. *Золотницкий Н. И.* Избранные труды: статьи, лингвистические исследования, словари, письма, отчеты, разные документы / сост. В. Г. Родионов. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. – 528 с.
6. *Месариш Д.* Памятники старой чувашской веры / пер. с венг. – Чебоксары : Изд-во ЧГИГН, 2000. – 359 с.
7. *Михайлов В. И.* Обряды и обычаи чуваш. – СПб. : Паровая Скоропечат. П. О. Яблонского, 1891. – 42 с.
8. *Невская Л. Г.* Погребальный обряд в Пелясе: структура и терминология // Балто-славянские этноязыковые контакты : сб. науч. ст. – М., 1980. – С. 245–254.
9. *Прокотьев К. П.* Похороны и поминки у чуваш. – Казань : Изд-во типо-лит. Казан. Императ. ун-та, 1903. – 39 с.
10. *Сергеев В. И., Исаев Ю. Н., Филиппов А. Л.* Лингвокультурология и национально-культурная семантика : учебное пособие. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2013. – 300 с.
11. *Соколов А. В.* Общая теория социальной коммуникации : учебное пособие. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 461 с.
12. *Султангареева Р. А.* Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. – Уфа : Гилем, 1998. – 243 с.
13. *Чувашская мифология // Культура чувашского края : учебное пособие / сост. М. И. Скворцов. – Чебоксары, 1995. – Ч. 1. – С. 109–147.*

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

Аург.: Биш. – Аургазинский район, с. Бишкаин; Аург.: Наум. – Аургазинский район, д. Наумкино; Аург.: Шл. – Аургазинский район, с. Шланлы; Белеб.: Слак. – Белебеевский район, с. Слакбаш; Бижб.: К.-Елг. – Бижбулякский район, с. Кош-Елга; Ерм.: Н.-Елг. – Ермакеевский район, с. Нижнеулу Елга; Зил.: Берд. – Зилаирский район, с. Бердяш; Иш.: Вас. – Ишимбайский район, с. Васильевка; Карм.: Ефр. – Кармаскалинский район, с. Ефремкино; Куюрг.: Крив. – Куюргазинский район, с. Кривля; Фед.: Нов. – Федоровский район, д. Новоселка.